

СОДЕРЖАНИЕ

БУХАРКИН П. Е. (СПбГУ/ИЛИ РАН), ВОЛКОВ С. С. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	ПРЕДИСЛОВИЕ	7
	М. В. ЛОМОНОСОВ И РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ	
ВОЛКОВ С. С. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК «РИТОРИКА М. В. ЛОМОНОСОВА»: ИСТОЧНИКИ И ТЕКСТЫ	17
БУХАРКИН П. Е. (СПбГУ/ИЛИ РАН)	«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ...» М. В. ЛОМОНОСОВА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАТУС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	36
ЧЕРДАКОВ Д. Н. (СПбГУ)	«ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ» В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА	72
МАТВЕЕВ Е. М. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ТРОПОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА	88
ВЕТУШКО- КАЛЕВИЧ А. А. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	«ПОЛИГИСТОР» ДАНИЭЛЯ МОРХОФА О РИТОРИКЕ	108
ТРОФИМУК М. С. (Львовский националь- ный университет им. Ивана Франко)	РОЛЬ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ В УКРАИНЕ XVII–XVIII ВВ. (на материале курсов словесности Киево-Могилянской Академии)	166
КУРИЛОВА А. Д. (Астраханский государ- ственный университет)	ELOQUENTIA OFFICIOSA В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	193
	М. В. ЛОМОНОСОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ XVIII ВЕКА	
ИВАНОВА Е. П. (СПбГУ), ДРЯЗГОВА К. В. (СПбГУ)	К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА АВТОРА «ГРАММАТИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ»: ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ТЕКСТА — КСЕНОЛЕКТ ИЛИ РОДНОЙ ЯЗЫК?	205
КАРЕВА Н. В. (ИЛИ РАН), СЕРГЕЕВ М. Л. (СПбГУ)	«ГРАММАТИКА ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ» (1730) И ФОРМИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.	217
СМИРНОВА А. С. (ИЛИ РАН)	АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ИВАН СЕМЕНОВИЧ ГОРЛЕЦКИЙ	235

ФИЛИПШОВ К. А. (СПбГУ)	ЛЕЙБНИЦ — ВОЛЬФ — ГОТТШЕД — ЛОМОНОСОВ: К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ XVIII ВЕКА	253
ДЮБО Б. А. (АУ РАН)	ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ НЕМЕЦКОЙ ТРАДИЦИИ В ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. (на примере глагольных грамматических категорий)	265
ИДИОЛЕКТ М. В. ЛОМОНОСОВА		
САВЕЛЬЕВА Е. А. (Библиотека Академии наук)	МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА В ПЕТРОВСКОЙ КОПИИ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ	285
ЛЕВИНА И. Н. (РГПУ им. А. И. Герцена)	СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ИДИОЛЕКТА М. В. ЛОМОНОСОВА НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ: ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	317
МАМАТОВА М. Г. (ИЛИ РАН/СПбГУ), РУДНЕВ Д. В. (СПбГУ)	ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ <i>ПУСТЬ</i> / <i>ПУСКАЙ</i> / <i>ПУЩАЙ</i> В ЯЗЫКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА	361
ДВИНЯТИН Ф. Н. (СПбГУ)	КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА ГЛАГОЛА В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА	380
БУРЫКИН А. А. (ИЛИ РАН)	ЛОМОНОСОВ И ТОПОНИМИКА АРКТИКИ (некоторые задачи междисциплинарного изучения текстов)	401
МАНЕРОВА К. В. (СПбГУ/ИЛИ РАН)	НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК М. В. ЛОМОНОСОВА (на примере хронологической отнесенности идиолекта ученого)	414
ПРИЛОЖЕНИЕ		
ВОЛЫНСКАЯ А. В. (ИЛИ РАН)	О КНИГЕ Б. ЗУБАКИНА «НОВОЕ И ЗАБЫТОЕ О ЛОМОНОСОВЕ»	427
	БИБЛИОГРАФИЯ (сост. Н. В. Ткачева)	437
	УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (сост. А. А. Ветушко-Калевич, Е. М. Матвеев, М. Л. Сергеев, Н. В. Ткачева)	464
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (сост. Н. В. Ткачева)	478

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография продолжает серию научных изданий, подготовленных в ИЛИ РАН и предваряющих составление «Словаря языка М. В. Ломоносова». В этой серии, в частности, уже вышли в свет уникальный словарь рифм Ломоносова (Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011) и первый исторический терминологический словарь (Минералогия М. В. Ломоносова 2010). Эти исследования, которые подготовлены участниками проекта, позволят включить в словарные статьи «Словаря языка Ломоносова» новые инновативные материалы, в том числе стиховедческую характеристику заголовочного слова или содержательное лингвистическое описание для научных терминов. «Словарь языка М. В. Ломоносова» — это комплексный филологический, лексикографический и образовательный научный проект, который в настоящее время осуществляется в Институте лингвистических исследований РАН. «Словарь языка Ломоносова», по замыслу авторского коллектива, будет представлять собой универсальный словарь тезаурусного типа, объединяющий в своем корпусе исторический толковый, исторический терминологический и историко-культурный словари, а также словарь собственных имен. Главная задача словаря — инвентаризация и системное представление с максимальной полнотой лексического и фразеологического состава, особенностей морфологии, синтаксиса и стилистики текстов М. В. Ломоносова как отражающих личность ученого и одновременно характеризующих эпоху русского Просвещения. Кроме того, «Словарь языка М. В. Ломоносова» уникален по материалу и объекту: он является описанием не только дискурса языковой личности XVIII в., дискурса человека передовой европейской науки (первый в истории русской лексикографии словарь идиолекта ученого), но и дискурса русского полилингва, для которого речевая деятельность в разных социальных сферах (семья, научная работа, преподавание, профессиональное общение и пр.) часто осуществлялась не на родном языке.

Именно поэтому по настоянию академика Н. Н. Казанского были расширены традиционные границы «авторского» или «писательского» словаря: в результате эмпирическую базу составили тексты Ломоносова на русском, латинском и немецком языках, что позволит эксплицитно показать интеллектуальный, нравственный, эмоциональный потенциал М. В. Ломоносова как истинного патриота России, мыслителя национального масштаба, великого русского Просветителя, энциклопедиста, «который все испытал и все проник» (Пушкин 1949: 28) и одновременно как гражданина «мировой республики ученых», личности, глубоко познавшего и интериоризировавшего культуру античности и культуру Европы Нового времени.

Работа над «Словарем языка М. В. Ломоносова» началась почти 10 лет назад. Сначала задача казалась довольно простой: нужно только собрать «непонятные» и «необычные» слова в текстах Ломоносова, снабдить их пояснениями, подобрать удачные примеры — и дело сделано, словарь готов. Можно даже сказать, что в начале своего существования проект мыслился как некое дополнение или приложение к известному энциклопедическому (2001). Однако составление пробных слов к словарю «М. В. Ломоносов», составленному Э. П. Карпеевыми рных материалов к ключевым словам «*orbis mentalis*» Ломоносова (*академия, академический, атмосфера, воздух, материя, пар* и мн. др.) или к отдельным тематическим группам его идиолекта (в частности, прилагательным-наименованиям цвета, глаголам изменения состояния, грамматическим терминам и пр.), затем последующее обсуждение этих материалов с лексикографами Санкт-Петербургского университета или на семинаре по авторской лексикографии Института русского языка РАН привело к пониманию того, что без глубокого исследования филологического «мировоззрения» Ломоносова, погружения в мир его языка (можно сказать, его «внутреннюю филологию»), а также без понимания «устройства» и «организации» идиолекта Ломоносова задачи составления «Словаря» вряд ли могут быть успешно решены. Кроме сказанного, значимыми для составления словаря также представляются сведения, расширяющие наши знания об историко-культурном контексте создания филологических трудов М. В. Ломоносова, в том числе

о подготовке в этот же период Академией наук ряда грамматик для изучения живых иностранных языков.

«Как можно рассуждать о целом, когда мы частей его не знаем» (АПСС I, 160) — записал Ломоносов в 1743 году. Действительно, возможно ли исследование и лексикографическое описание языка Ломоносова без понимания, так сказать, внутренней связи, отношения и взаимодействия его главных «слагаемых» или «функциональных частей»? Можно ли объективно оценивать вклад Ломоносова в формирование русского литературного языка без тщательного исследования роли и позиций Ломоносова в созидании как «слога» этого языка, так и великолепных, изысканных образцов его употребления? Уже более полутора веков назад редакция «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года, возглавлявшаяся таким блестящим для своей эпохи филологом, как А. Х. Востоков, весьма определенно высказалась по этому поводу: «Ломоносов привел в порядок нестройное смешение языка, определил грамматические его правила и положил основание слогу, представив образцем собственные произведения в стихах и прозе» (Сл. 1847: I, VI).

*
* * *

Роль М. В. Ломоносова в истории русской филологии, так же как и место, занимаемое филологическими штудиями в его столь поразительной по многообразию деятельности (поразительной особенно для России), вряд ли могут быть преувеличены. Более того, в целом можно сказать, что как раз филологическое его наследие (наряду с поэтическим творчеством) принадлежит к самым бесспорным достижениям его таланта; среди других научных занятий Ломоносова филологические работы устарели, возможно, в наименьшей степени. Это обусловлено во многом тем особенным типом филолога, который являет собою Ломоносов.

С одной стороны, он филолог как исследователь языка, причем исследователь разных его аспектов: полем языковедческих научных наблюдений Ломоносова становились грамматическая структура («Российская грамматика», 1757); историческое

развитие русского языка и его дальнейшие перспективы («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757); лексическая система и обуславливающие речевое поведение стилистические стратегии (то же, «Предисловие...»); разные типы и формы актуализации языка в системе речевых жанров и определяющие их риторические установки, принципы, правила и приемы («Краткое руководство к риторике...», 1743; «Краткое руководство к красноречию...», 1748); типы ритмической организации текста («Письмо о правилах российского стихотворства», 1739) — во всех этих областях филологического знания он достиг весьма впечатляющих успехов, часто поражая углубленной сосредоточенностью мысли и ясной отчетливостью построений, нередко кажущихся удивительно свежими и соответствующими будущим филологическим концепциям.

С другой же стороны, Ломоносов — филолог в совсем другом значении, в значении любителя слова, даже не просто любителя русского слова или радетеля о его красоте, а и непрестанного его совершенствователя. Не только отвлеченными рассуждениями о русском языке определил он многое в будущих его судьбах, но и явленными им культуре воплощениями языковых потенций в конкретные речевые произведения (совсем разных типов). Эти воплощения оказывались блистательно убеждающими демонстрациями различных возможностей русского языка, демонстрациями, которые в очень существенной степени (чтобы не сказать — полностью) соответствовали ломоносовским теоретическим положениям, тем самым внося вклад не в одно функционирование русского языка, но и в его изучение. Можно сказать, что словесное творчество Ломоносова оборачивалось как бы проверкой верности его теорий, своеобразным лингвистическим экспериментом¹, значимость которого крайне обостряет тот исторический момент, на который пришлось его деятельство: момент, когда, собственно говоря, и начинается формирование русского литературного языка в современном виде.

¹ В несколько другой связи, имея в виду преимущественно «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», об этом писал А. А. Алексеев (1992: 339–358).

Надо сказать, что сам Ломоносов эту сторону собственных трудов, судя по всему, осознавал вполне ясно и высоко оценивал. Об этом, например, свидетельствуют такие его слова: «На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных» (АПСС 10, 352), где как раз и подчеркивается филологическая во втором ее значении направленность ломоносовских научных занятий.

Современное исследование филологического наследия М. В. Ломоносова, как представляется, не может игнорировать только что сказанное, напротив, оно должно в той либо другой степени учитывать подобное двуединство Ломоносова-филолога; соображениями именно такого рода и обуславливается структура коллективной монографии, ныне предлагаемой вниманию читателей. В ней ломоносовское филологическое наследие как раз и рассматривается в двух взаимодополняющих друг друга ракурсах: предметом нашего совместного изучения являются, во-первых, филологические концепции Ломоносова, выраженные в его сочинениях соответствующего профиля, а во-вторых, ломоносовский язык, его идиолект, который увиден как очень своеобразная и одновременно крайне выразительная часть его филологического наследия, как некая форма проецирования в речевую деятельность его теоретических взглядов.

В соответствии с этим монография состоит из двух частей, архитектурно не выделенных, но композиционно, содержательно сразу же заметных. Первая из них посвящена как непосредственно филологическим работам Ломоносова, так и тому научному пространству, в котором сперва формировались, а затем уже и резонировали его филологические идеи. Проблематика, связанная с последним (т. е. с научным контекстом ломоносовских филологических теорий), преобладает в первой части книги: в разделе, обращенном к риторике, ей посвящены главы, написанные А. Д. Куриловой, М. Трофимуком и А. А. Ветушко-Калевичем, в «грамматическом» же разделе

абсолютное большинство глав направлены на описание лингвистического и социокультурного контекста, в который «погружено» грамматическое учение Ломоносова: это работы Е. П. Ивановой и К. В. Дрязговой, Н. В. Каревой и М. Л. Сергеева, А. С. Смирновой, Б. А. Дюбо. Выбор первостатейным объектом исследования именно контекста далеко не случаен и, как представляется, вполне оправдан: филологические произведения Ломоносова изучены в значительно большей степени, нежели аналогичные труды его современников — как старших, так и младших; вместе с тем, без них нельзя составить адекватное научное представление о значении Ломоносова в истории гуманитарных наук; по тем же основаниям самое пристальное внимание уделяется и иностранному окружению ломоносовских филологических построений.

Первая часть коллективной монографии, в свою очередь, включает в себя два раздела: «М. В. Ломоносов и риторическая традиция» и «М. В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века» — риторике и грамматике посвящены самые значительные ломоносовские филологические сочинения — «Краткое руководство к красноречию...» и «Российская грамматика», и, несмотря на внушительное число исследований, рассматривающих их, многие вопросы здесь еще требуют дальнейшего изучения.

Как явствует из оглавления, редакционная коллегия в первый раздел первой части вынесла работы, связанные с риторическими проблемами; грамматические исследования составляют второй раздел. Такая композиция, казалось бы, противоречит логической последовательности данных дисциплин — риторика представляет вторую по сравнению с грамматикой ступень осмысления речемыслительной деятельности; такое их соотношение, кстати сказать, было закреплено в последовательность предметов тривиума (грамматика — риторика — диалектика). Однако подобная композиция хронологически соответствует обращению Ломоносова к риторике и грамматике: вначале он оформил свои риторические представления в двух трактатах 1740-х годов — «Кратком руководстве к риторике...» и «Кратком руководстве к красноречию», а затем, уже в 1750-е годы

обратился к грамматике. Конечно, именно такая последовательность, скорее всего, вызвана случайными причинами биографического свойства, и, вместе с тем, она все-таки заслуживает известного внимания со стороны исследователя, тем более что к написанию «Краткого руководства к красноречию» он готовился несколько лет и это время, возможно, служило также для накопления и осмысления грамматического материала.

Вторая часть настоящей книги направлена на изучение филологического наследия Ломоносова в том широком и одновременно специфическом понимании его содержания и пределов, о котором говорилось выше; входящие в эту часть главы анализируют разные стороны ломоносовского идиолекта. Они имеют более, так сказать, лингвистическую направленность, нежели многие главы первой части с их историко-филологическим пафосом. Однако при этих естественных различиях, части коллективной монографии не противоречат друг другу, но, напротив, одна другую дополняют, обнаруживая многочисленные и разнообразные точки взаимопересечений; достаточно назвать работу Е. М. Матвеева «Проблема описания тропов в поэтическом языке М. В. Ломоносова», имеющую самое прямое и непосредственное отношение к ломоносовскому индивидуальному поэтическому стилю, т. е. к идиолекту, а также исследование А. А. Бурькина, отмеченное явно историко-филологическими акцентами.

Вообще следует сказать, что, несмотря на широкий спектр затрагиваемых в отдельных главах тем, они, в конечном счете, образуют некое, пусть и не эксплицированное, но монографическое единство, что обуславливается рядом моментов. Во-первых, авторы, погружаясь в изучение нередко далеких друг от друга проблем, не упускают из виду конечную задачу книги: дать характеристику филологического наследия Ломоносова и его места в развитии европейских и русских гуманитарных наук, исходя из интенций, методов и принципов современной филологии. Во-вторых, в книге заметно центростремительное действие нескольких исследовательских сюжетов, более того, в ней достаточно легко обнаруживаются определенные смысловые точки исследования. Это филологические трактаты как объекты изучения (трактаты как самого Ломоносова,

например, «Краткое руководство к красноречию...», так и других авторов, прежде всего — «Грамматика французская и русская», которой посвящены три из пяти глав грамматического раздела) или же отдельные научные проблемы — в первую очередь здесь надо указать не проблему многоязычия Ломоносова: и его непосредственного многоязычия как речевой личности, и многоязычия в несколько более опосредованном варианте, так сказать — культурного многоязычия. Наконец, в-третьих, большинство конкретных исследований осознанно учитывают основные контексты филологического наследия Ломоносова — и теоретические (т. е. контексты русского и европейского гуманитарного знания) и непосредственно языковые. В-четвертых, все исследования гармонично объединяются одной харизматической личностью XVIII века — личностью М. В. Ломоносова. Это в совокупности и определяет внутреннюю цельность нашего совместного труда.

Весомый вклад в рассмотрение совокупности проблем, связанных с трудами М. В. Ломоносова по филологии, внесла научная конференция «Филологическое наследие М. В. Ломоносова», приуроченная к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова и состоявшаяся в Институте лингвистических исследований РАН 25–26 октября 2011 года. В ее работе приняли участие более пятидесяти специалистов, среди них — сотрудники ИЛИ РАН, ИРЛИ РАН, Библиотеки Российской академии наук, Музея антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербургской кафедры иностранных языков Академического университета, СПбГУ, МГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, Астраханского государственного университета, Череповецкого государственного университета. На конференции было прочитано более 20 научных докладов²: эти доклады, дополненные и расширенные по материалам обсуждения, легли в основу настоящей коллективной монографии.

*П. Е. Бухаркин,
С. С. Волков*

² См. об этом: Карева, Матвеев 2013: 3–5.

**М. В. ЛОМОНОСОВ
И РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ**

С. С. Волков
(ИЛИ РАН/СПбГУ)¹

**СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК
«РИТОРИКА
М. В. ЛОМОНОСОВА»:
ИСТОЧНИКИ И ТЕКСТЫ**

Ключевые слова: лексикография, словарь, источник словаря, риторический трактат, словарная статья, М. В. Ломоносов, филология, терминология, история науки.

В главе рассматриваются проблемы ломоносовской текстологии и источниковедения, объектом внимания автора выступают источники словаря риторических трактатов Ломоносова, составление которого началось в ИЛИ РАН в 2012 году. Получают определение термины «лингвистический источник» и «источник словаря», предлагается описание античных, западноевропейских и русских риторик, которые вошли в число источников Словаря.

1. Основа каждого словарного проекта — корпус его источников. Выдающийся русский лексикограф Ю. С. Сорокин, 100-летие со дня рождения которого отмечалось в 2013 году, считал вопрос об источниках «существеннейшим» для каждого типа словаря (Сорокин 1999: 36). Объем, состав, жанры, конкретные особенности источников и даже их недостатки определяют в словарном проекте многое — словник, метаязык, организацию словарной статьи, макроструктуру словаря и мн. др. Качество самого словаря, степень его объективности и научности тоже, безусловно, определяются источниками.

¹ Сергей Святославович Волков, канд. филол. наук, зав. отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН, доц. кафедры прикладной и математической лингвистики филологического факультета СПбГУ.

Значение термина «источник словаря», который впервые, по имеющимся данным, появился в начале XX века в связи с подготовкой «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» проф. С. А. Венгерова, в современной лингвистике и лексикографии можно оценить только как *диффузное* и *амбивалентное*. Во-первых, отсутствует принятое большинством исследователей и кодифицированное определение термина; во-вторых, не существует даже самой примитивной классификации источников (например, *первостепенные* — *второстепенные*, *основные* — *неосновные*, *частотные* — *единичные* — *уникальные*², *вербальные* — *невербальные*, *письменные* — *устные*, *исторические* — *современные*, *источники иллюстративных материалов*, *источники справочных материалов*, *источники разделов или «зон» словарной статьи* и под.); в-третьих, можно было бы разработать весьма оригинальную типологию словарей на основе их источников. Не решена проблема, как обращаться с «псевдоисточниками» — теми источниками, которые учитывались при составлении словарной статьи, но непосредственно в ней не упомянуты, неясно, следует ли разделять «источники картотеки» и «источники словаря». Термин, если доверять данным «Национального корпуса русского языка», не является широко распространенным (корпус содержит только один пример), он отсутствует во многих справочниках. Большинство авторов современных словарей представляют в изданиях тщательно подготовленную библиографию источников, но не дают объяснения того, какое содержание они вкладывают в термин «источник»; своеобразным «общим местом» многих новых словарных проектов стало эмоциональное утверждение того, что «их источники хороши, а наши еще лучше». Часто предлагается только общая характеристика источников, например, «письменные памятники», «записи устной речи», иногда перечисляются основные жанры или разряды текстов:

² Часто в предисловиях к словарным изданиям встречаемся с клише «словарь <...> основан на уникальных источниках».

«разнообразные типологически, в жанровом и стилистическом отношении, а также по своему функциональному назначению и тематической ориентации памятники письменности и литературы» (Проект 1977: 11), «памятники частно-деловой письменности (духовные, купчие, кабальные и другие грамоты, челобитные, памятники вотчинно-поместной переписки: указы феодалов, отписки старост); семейная и дружеская переписка» (СОРЯ 1, 6). Иногда авторы избегают использования термина «источник», см., например: «Словарь рифм М. Ю. Лермонтова составлен по всем стихотворным произведениям (стихи, поэмы и стихотворные драмы). В качестве адреса указывается том (римской цифрой) и страница (арабской цифрой) сочинений М. Ю. Лермонтова в шести томах (М.; Л., 1954–1956)» (Словарь рифм Лермонтова 1981: 664), что следует понимать как утверждение о том, что текст собрания сочинений М. Ю. Лермонтова — источник словаря рифм.

Не вызывает сомнения тот факт, что для современной лингвистики не существует «плохих» и «хороших», «правильных» и «неправильных», «достойных» и «недостойных» источников: любой текст, микротекст, фрагмент текста может служить источником для лингвистического исследования. Так, ограничение употребления субстандартных лексических единиц современной литературной нормой не означает ограничения их изучения и лексикографизации как лингвистических единиц: подтверждением этого служат многочисленные словари просторечия, жаргонов, бранной лексики, прозвищ и под., появившиеся за последнее десятилетие. Однако это утверждение истинно только для синхронии — когда имеющиеся лингвистические данные постоянно и энергично проверяются актуальным языковым сознанием лингвиста (составителя словаря), «чувством языка», интуицией, существующими языковыми нормами. Субъект текста и субъект изучения текста в подобных ситуациях действуют в одном языковом состоянии.

В диахронии дело обстоит иначе: филолог становится историком. Язык постоянно изменяется во времени и «полностью

отвлечься от этой нестабильности невозможно» (Плунгян 2008: 10). При отборе текстов для изучения прошлых языковых состояний, т. е. для исторического словарного проекта приобретают особое значение не только глубинное понимание языковых структур, фразеологии в широком понимании, наличие базовых фоновых знаний, владение реалиями и под.; актуальными становятся принципы лингвистического, прикладного источниковедения, в том числе метатекстовая информация: кем создан текст, когда создан текст, в каких условиях и где создан текст, с какой целью создан текст, где впервые опубликован или остался в рукописи: вспомним здесь уже ставшую крылатой фразу Б. В. Томашевского:

«В первую очередь всякому занимающемуся вопросами текста необходимо точно знать природу книги» (Томашевский 1928:13).

Произвольность отбора источников, отражающих прошлые языковые состояния для словаря, их неполнота, текстологическая или эддиционная ущербность, непонимание или невнимательность к системе имманентных связей и отношений между текстами-источниками неизбежно приводит к болезненным изменениям в словнике исторического словаря, появлению мифологических представлений об содержании лексико-семантических групп, форме заголовочного слова, вариативности слова, семантике, сочетаемости и пр., а в итоге — к искаженному представлению о языковом состоянии прошлого (представлению, которое и так является условным, гипотетическим). Источник словаря, отвечающий перечисленным выше характеристикам — безусловно «плохой» или «недостойный» источник. Тенденциозный подбор источников может безнадежно скомпрометировать, а то и погубить словарный проект; история лексикографии такие примеры знает.

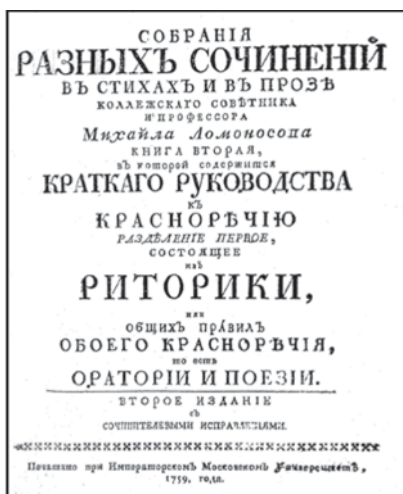
Какую дефиницию можно было бы предложить для лексикографического термина «источник словаря»? Можно признать

историческим источником всё, что содержит историческую информацию, любое «явление», которое может быть использовано для познания прошлого. В «Большом энциклопедическом словаре» исторические источники — это «все объекты, непосредственно отражающие исторический процесс и дающие возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все созданное человеком, а также результаты его взаимодействия с окружающей средой; предметы материальной культуры, памятники письменности, обычаи, обряды и др. Количество исторических источников безгранично, но число сохранившихся от различных исторических периодов неодинаково» (БЭС 1998: 467). В науках об обществе *источник* — любой оригинальный документ или сообщение, дневник, анкета, личные бумаги, магнитофонная запись и проч., которые предоставляют данные для научного анализа. В «Литературном энциклопедическом словаре» указывается, что «источниками служат тексты самих литературных произведений, окончательные и ранние <...> Источниками оказываются также переписка писателей, дневники, записные книжки, личные библиотеки писателей, цензурные материалы, переписка и воспоминания современников» (Литературный энциклопедический словарь 1987: 139). Следовательно, рабочим определением, которое предложим для настоящего исследования можно принять следующее:

Источник словаря — представленное дискретно подмножество аутентичных текстов, которое задается предметом словаря. При этом количество текстов, выступающих в качестве источника для словарного проекта, может варьироваться от одного до бесконечного множества.

2. В настоящее время в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН (Санкт-Петербург) интенсивно идет работа по составлению трехязычного толково-энциклопедического «Словаря языка М. В. Ломоносова», словаря «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» и словаря «Риторика

М. В. Ломоносова». Соответственно определению источником «Словаря языка М. В. Ломоносова» будет служить весь корпус известных письменных текстов М. В. Ломоносова (они, как известно, собраны в Академическом полном собрании сочинений Ломоносова в 11 томах, 1950–1959, 1983 гг.), источником словаря «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» — корпус немецких текстов М. В. Ломоносова, а для «Словаря риторических трактатов М. В. Ломоносова», объектом описания которого станет *терминосистема риторики в середине XVIII века*, источниками должны стать риторические тексты Ломоносова, точнее — два его главных риторических трактата: «**Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия**» (1743) и «**Краткое руководство к красноречию**» (1748), из которых мажоритарное положение занимает, безусловно, второй.

Казалось бы, сказанное выше существенно упрощает все вопросы, связанные с выбором источников словарей языка Ломоносова. Однако есть серьезные причины, которые все же дают основание говорить о *научных проблемах*, связанных с выбором источников, и шире — о зависящей от выбора источников объективности и научной достоверности словаря. Среди этих проблем укажем на следующие:

- ◆ отбор филологически корректных текстов М. В. Ломоносова;
- ◆ создание «инвариантного» текста;
- ◆ дополнительные («вторичные») источники словарного проекта.

2.1. Проблема отбора корректных текстов М. В. Ломоносова

Еще в начале работ над «Словарем языка М. В. Ломоносова» редакционной коллегией словаря было принято решение, что источником словаря станет Академическое полное собрание сочинений в 10 (11) томах (1950–1959, 1983 гг.), так как это собрание сочинений по сравнению с предшествующими изданиями обладает весьма весомыми преимуществами.

- ◆ Это самое полное из существующих изданий: благодаря исследованиям ученых-архивистов, особенно Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского (1937), в него включены многие, ранее не опубликованные тексты М. В. Ломоносова, его неоконченные произведения, переводы, заметки, автобиографические и служебные документы, существовавшие ранее только в виде архивных единиц хранения. Тем не менее заметим, что авторство Ломоносова для некоторых включенных в АПСС текстов *сомнительно* и эти тексты могут быть представлены только в разделе «*spuria* и *dubia*» — например, атрибуция Ломоносову перевода главы из романа Франсуа Фенелона, опубликованного в 11-м томе, опровергнута чл.-корр. РАН С. И. Николаевым (1988).
- ◆ В АПСС включены тексты М. В. Ломоносова на латинском и немецком языках, эти тексты не модифицировались и не модернизировались, сохраняя, таким образом, многие особенности языка, характерные как для XVIII века, так и для Ломоносова, его идеограммы — например, написание сочетания *ss* вместо *ß* (нем. *Eszett*), фонетические написания «как услышал» — ср. *Degen-Gehenck* ‘*перевязь шпаги*’ (АПСС 10, 369), правильно — *Degengehäng* и пр.
- ◆ Все тексты перед опубликованием прошли сверку с прижизненными изданиями или рукописями Ломоносова, хранящимися в архивах России.

Тексты АПСС уже давно и, скажем, уверенно служат задачам ломоносововедения и ломоносовской лексикографии. В 2001 году вышла в свет персональная энциклопедия, охватившая разные аспекты деятельности Ломоносова (Карпеев 2001; 2009);

эта энциклопедия основывается на текстах АПСС. Уже 11 лет энциклопедия, как говорится, находится в научном обиходе, она размещена в сети Интернет на авторитетном портале «Федеральная электронная библиотека “Русская литература и фольклор”» (<http://feb-web.ru/feb/lomonos/default.asp?feb/lomonos/lomenc/kes.html>) и нисколько не вызывает недобрых чувств со стороны тех, кто занимается изучением как жизни, так и творчества Ломоносова. В 2007 году группа авторов под руководством проф. К. Р. Галиуллина (филологический факультет Казанского государственного университета) подготовила и опубликовала словарь-справочник «Язык писем М. В. Ломоносова» — первый *завершенный* лексикографический справочник по текстам М. В. Ломоносова (ЯПЛ 2007). В научно-издательском проекте «Материалы к «Словарю языка М. В. Ломоносова»» тексты из АПСС по минералогии и химии стали источником для вышедшего из печати в 2010 году словаря-справочника «Минералогия М. В. Ломоносова», поэтические произведения М. В. Ломоносова — для подготовленного в ИЛИ РАН уникального словаря рифм (Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011). Можно привести и многие другие примеры.

По одному, но самому важному параметру тексты АПСС совершенно неудовлетворительные, филологически некорректные: при подготовке издания тексты Ломоносова были в значительной степени модернизированы. Вот как, например, выглядит фрагмент знаменитого рассуждения Ломоносова о риторике (§ 2) в издании трудов Ломоносова Московским университетом (1759 г.) и в АПСС:

<p>§. 2. Въ сей наукѣ предлагаются правила трехъ родовъ. Первьвыя показываютъ какъ изобрѣтать оное, что о предложенной материи говорить должно; другія учатъ какъ изобрѣтенное украшать; третьи наставляють, как оное располагать надлежитъ: и по сему раздѣляется Риторика на три части, на изобрѣтеніе, украшеніе и расположе- ние (Риторика 1759, 5)</p>	<p>§ 2. В сей науке предлагаются правила трех родов. Первые показывают, как изобретать оное, что о предложенной материи говорить должно; другие учат, как изобретенное украшать; третьи наставляют, как оное располагать надлежит, и по сему разделяется Риторика на три части — на изобретение, украшение и расположение (АПСС 7, 99).</p>
---	---

Правила модернизации текстов Ломоносова, которую А. А. Морозов в свое время назвал «бесшабашной» (Морозов 1956: 169), а научный коллектив, подготовивший 2-ое издание, скромнее — «отдельными исправлениями» (АПСС² 2011: 1, 380), нигде не получили эксплицитного описания. По нашим наблюдениям, модернизация проводилась на основании пяти «подходов», или «алгоритмов».

♦ **Графический:**

1) замена букв, отмененных реформами 1918 г. (ять, фита, ижица, и десятиричное) и 1710 года, буквами современного алфавита, в том числе и в составе флексий: въ умь — в уме; 2) замена щ на сч в начале слова: щастие — счастье; 3) отмена твердого знака в конце слов, оканчивающихся на согласный и внутри слова, ср. предъидущий — предыдущий; 4) отказ от выделения слов курсивом: «Идеи суть простыя или сложенныя» (Риторика 1759: 6) в АПСС выделение отсутствует; 5) полный отказ от ирифтовых актуализаций Ломоносова — написание некоторых обладающих особым значением слов прописными буквами, написания слов с прописной буквы (например, М. В. Ломоносов всегда пишет Риторика, а не риторика, Риторический, а не риторический). Н. В. Перцов указывает по этому поводу:

«Не верно, что все подобного рода прописные написания были простой орфографической условностью. Можно предположить, что прописная буква в начале слова была в прежнее время наделена гораздо более явной индивидуализирующей функцией, чем ныне» (Перцов 2008: 48).

♦ **Акцентологический:**

ударения, которые находим, например, в тексте «Риторики 1759», в АПСС устраняются: «милость, любовь, кротость и прочія суть вѣды» (Риторика 1759, 7), «свѣйство» (там же). Данные ударения, безусловно, имеют нормоустанавливающий характер.

♦ **Пунктуационный:**

нигилистическое отношение к оригинальной пунктуации текста, «которая гораздо более чувствительна к интонационно-мелодической стороне речи, чем современная» (Перцов 2008: 50). Все знаки пунктуации в АПСС расставлены в соответствии с современными правилами.

♦ **Морфемно-грамматический:**

замена современными морфемами морфем, отмененных реформой 1918 г.: флексий -аго, -яго; -ой, -ья, префиксов из-, без-, воз- перед глухими согласными и пр. Заметим, что М. В. Ломоносов совершенно четко изложил свою позицию по последнему вопросу в § 127 «Российской грамматики»: «мне кажется, должно признаться, что для привычки перед мягкими з, воз, из, раз, перед твердыми с, вос, ис надлежит оставить» (АПСС 7, 435).

♦ **Лексико-орфографический:**

адаптация написания середины XVIII к современному, в том числе слитно-раздельных (дефисных) написаний, написаний с мягкими согласными, разного рода ассимиляций: например, горкий и горький, первый и перьвой, во перьвыхъ и во-первых, сперва и с перва, по Российски и по-российски, не лъзя и нельзя, сверьхъ и сверх, писмен и письмен, будто и бутто и мн. др.

Мало того, что модернизированные написания не соответствуют принятым во времена М. В. Ломоносова. В АПСС указанные выше «алгоритмы» орфографической модернизации применяются неуверенно, отсутствует унификация их внедрения. Для разных томов разными редакторами выбирался различный орфографический подход. Так, в «Материалах по русской грамматике» (том 7) не проведена модернизация согласно первому и четвертому «алгоритму», ср., например, в заметках М. В. Ломоносова: «Ежели для точнаго произношенія разныхъ иностранныхъ реченій вымышлять новыя писмена, то российская азбука вдвое прибудетъ, и людей занадобится снова грамотъ переучивать» (АПСС 7, 600) — сохранен даже твердый

знак в финалях слов на твердый согласный, или «Съ греческаго языка имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и славенскихъ, которыя для переводу книгъ сперва занужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что будто бы они съ перва въ російскомъ» (АПСС 7, 609). Поразительно, но в «Материалах по русской грамматике» сохранены даже буквы ξ и ψ. См., например, Алеѣвъ (АПСС 7, 638), Алеѣинъ ('город') или џалтырь (АПСС 7, 620). В томе, содержащем поэтические произведения, ораторскую прозу и надписи (том 8) не проведена модернизация согласно четвертому и пятому «подходам» (см. об этом также (Поляков, Пильщиков, Бергельсон 2009)). Укажем здесь на написания *веръх* и *ниско* в «Стихотворениях из «Краткого руководства к риторике»:

Высокий Кедров веръх внезапный юг нагнул,
Отторгнул лист с плодом, коренья с мест свихнул.
Склоняясь ниско, Кедр едва насильство сносит,
То веръх свой клонит вниз, то оной к веръху взбросит.
Однако ярой вихрь свою умножил власть,
Принудил древа веръх на землю с треском пасть (АПСС 8, 124).

С уважением и пониманием участники ломоносовского проекта относятся к программным заявлениям московских текстологов, отстаивающих стилистическое значение, художественную значимость и смысловую нагрузку правописания (Шапир 1999; Перцов 2008), требующих сохранения в академических изданиях правописания оригинала. Следует признать, что, к большому сожалению, авторский коллектив словаря языка Ломоносова в какой-то степени лишен выбора и отчасти выступает «заложником» прежних решений.

Как «нейтрализовать» последствия модернизации и «сблизить» тексты словаря «Риторика М. В. Ломоносова» с оригинальными текстами XVIII века? Для того, чтобы показать подлинный «облик» слова Ломоносова, восстановить неповторимую ауру ломоносовского текста, в словарной статье словаря-справочника «Риторические трактаты М. В. Ломоносова»

предусмотрена специальная справочная «строка», содержащая информацию о форме и правописании заголовочного слова в «Риторике 1759», например:

АЛЛЕГОРИЯ (11), ж.

Греч. ἀλληγορία ‘иносказание’.

Лат. allegoria.

Нем. Allegorie.

Риторика 1759: аллегорія (129).

Заметим, что редакционная коллегия юбилейного второго «исправленного и дополненного» издания Полного собрания сочинений Ломоносова сохранила прежний текст АПСС (см. АПСС² 2011: 1, 380): в результате новые недостатки текста, к большому сожалению, наслоились на старые. Позиция авторского коллектива и редакционной коллегии относительно модернизации текста Ломоносова уже достаточно четко, как представляется, выражена выше; завершим этот раздел цитатой такого выдающегося русского мыслителя, как В. В. Розанов, весьма подходящей к этому случаю (он, правда, пишет о «Российской грамматике» Ломоносова, но суть дела от этого не меняется):

«Какое течение речи! Как его не заучивают в гимназиях? Почему для гимназистов не переиздается копировально, с рисуночками и сохранением типа бумаги и шрифта эта превосходная грамматика?» (Розанов 1915: 12).

2.2. Проблема неустойчивости текста

Общеизвестно, что текст произведения не бывает диахронически неизменным: по воле автора и при жизни автора текст может трансформироваться, дополняться, редактироваться. В результате этого появляются «редакции» текста. АПСС, следуя традиции академических изданий, стремится представить текст Ломоносова с учетом всех авторских вариантов (фонд

рукописей Ломоносова, как мы знаем, сохранился достаточно хорошо).

Авторский коллектив словаря-справочника «Риторические трактаты М. В. Ломоносова» хорошо осведомлен о колебаниях при установлении так называемого канонического, т. е. окончательного текста «Краткого руководства к красноречию» (издание 1764 года или издание 1759 года) и о полемике по этому поводу между ответственными редакторами тома «Труды по филологии» акад. В. В. Виноградовым, С. Г. Бархударовым и Г. П. Блоком, с одной стороны, и А. А. Морозовым, с другой. Не будем сейчас углубляться в детали этой дискуссии или пытаться определить правоту сторон, тем более, что этому вопросу имеется исследование проф. П. Е. Бухаркина (с. 34–69). Для нас важнее другое: издание «Краткого руководства к красноречию» в академическом собрании сочинений в достаточной степени *полное*, так как перед современным пользователем, собственно говоря, не один из вариантов, пусть даже текстологически самый лучший, а *инвариант*, этого текста — он представляет собой результат сложного филологического синтеза четырех текстов, осуществленного путем использования подстрочных примечаний, редакторских вставок в основной текст и конъектур. Были использованы следующие тексты:

- ◆ рукописи (Санкт-Петербургский архив Академии наук, фонд 20, опись 3, ед. хранения № 49, л. 1–140);
- ◆ исправления в корректурных листах первого издания, сделанных самим Ломоносовым;
- ◆ первое издание «Краткого руководства к красноречию...» 1748 года;
- ◆ второе издание «Краткого руководства к красноречию...» с «сочинительными исправлениями», вошедшего в книгу вторую «Собрания разныхъ сочинений въ стихахъ и въ прозѣ коллежскаго совѣтника и профессора Михаила Ломоносова», которое было издано Московским университетом в 1759 году (так называемое университетское издание).

Таким образом, при подготовке текста к изданию в составе АПСС был создан своего рода новый, никогда не существовавший ранее сводный текст: эта поистине колоссальная работа была сделана Г. П. Блоком и В. Н. Макеевой. Дополнения и вставки в тексте АПСС имеют эксплицитное языковое выражение; для них разработан особый метаязык (подстрочные примечания, прямые и угловые скобки, курсив и пр.) Следовательно, эти материалы обладают лексикографическим потенциалом и перспективой:

- ◆ их лексические компоненты могут быть представлены в Словаре в форме *заголовочных слов*;
- ◆ в Словаре они могут быть включены в число иллюстраций к заголовочному слову.

Сказанное, как нам представляется, делает возможным следующую вывод: текст «Краткого руководства к красноречию...» по материалам АПСС может быть использован как основной и единственный источник словаря риторических трактатов М. В. Ломоносова.

2.3. Проблема дополнительных источников словарного проекта (историко-проективный или справочный раздел)

В настоящее время форматы исторического словаря и авторского словаря подвержены прогрессивным системным изменениям. Поставленные задачи подготовки авторского исторического терминологического словаря-справочника (добавим — достаточно быстрой подготовки) требует в ситуации динамики жанра внедрения новых методов анализа и представления материала. Наряду с вполне традиционными методами исторической и авторской лексикографии «Словарь языка М. В. Ломоносова» будет использовать инновационный *метод ретроспективного описания* (впервые применен в диссертационном исследовании Н. В. Каревой (2011), см. также: (Волков 2012)). Этот метод позволяет показать историко-культурную «перспективу» термина, направленную от синхронии в диахронию, т. е.:

- ◆ *жизнь* и языковые *трансформации* термина в разных индивидуальных и субнациональных терминосистемах и формирующихся языках для специальных целей,
- ◆ *активность* термина в разных культурно-языковых и культурно-идеологических контекстах эпохи — см., например, риторические термины в шуточной опере Н. П. Николаева «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия» (1782);
- ◆ *традицию* употребления термина в риторической словесности как до Ломоносова, так и после его кончины (вневременное и всечеловеческое (Мейерхольд) — конкретно временное-эпохальное).

Все это, с нашей точки зрения, позволит на конкретных примерах показать, какой из терминов представляет собой результат языкового творчества М. В. Ломоносова, что он, так сказать, «интериоризировал» у своих предшественников и учителей (подробнее об этом ниже), а что — у своих коллег по Академии наук. Обращение же к наиболее известным риторическим трактатам *после* Ломоносова позволит эксплицитно, в деталях показать влияние его трудов на риторическую традицию в России конца XIX — начала XX века, оценить вклад Ломоносова в русскую филологию. В итоге наш метод позволит эксплицитно огромный интеллектуальный и культурный потенциал М. В. Ломоносова как самостоятельного, подлинно национально-русского гения и одновременно как «гражданина мировой республики ученых», глубоко усвоившего ценности культур античности и Западной Европы Нового времени, сделавшего систему идей и знаний античной и европейской цивилизаций частью своей личности.

«Языковые изменения интересуют нас прежде всего потому, что только они дают возможность объяснить языковые явления» — писал Леонард Блумфилд (1968: 311). Эксплицитная, наглядная, детализированная демонстрация фактов (контекстов) применения риторических и, шире, филологических терминов (мы можем также назвать их терминами

словесности) с середины XVIII века по настоящее время будет, как нам представляется, весьма продуктивна для изучения сложных процессов сложения теории словесного искусства в XVIII–XIX веков и, следовательно, процессов сложения и функционирования терминосистемы гуманитарных наук в русском языке.

Какие тексты заслуживают включения в раздел «история риторического (филологического) термина Ломоносова»?³ Должен быть «изобретен» удобный и приемлемый для такой словарной работы принцип организации или группировки текстов (ad hoc принцип), так сказать, «сконструирована» удобная для составителей и пользователей словарная форма представления материалов. Для этого может оказаться полезной главная стратегия «Словаря языка М. В. Ломоносова» — антропоцентрическая стратегия,

в которой лексическая единица *всегда* анализируется в связи с биографией М. В. Ломоносова и на фоне историко-культурного контекста XVIII века. Рассматривая известные М. В. Ломоносову риторические трактаты (см. об этом, например: (Коровин 1961: 345–364; Каталог 2011: 68–160)), можно установить 3 основных «разряда» или «группы» текстов, соответствующих *когнитивным этапам* длительного процесса становления Ломоносова как ученого-филолога или, назовем их иначе, этапам становления (развития) *риторической компетенции* Ломоносова.

³ Участники проекта для краткости называют его «справочный раздел».

Москва. Славено-греко-латинская академия. Античные риторики		
1.1.	Аристотель: « <i>Artis Rhetoricae</i> »	Коровин 1961: 349.
1.2.	Цицерон Марк Туллий: « <i>Selectae orationes</i> »; « <i>De oratore</i> »; « <i>Brutus</i> », « <i>De optimo genere oratorum</i> », « <i>Orator</i> ».	Коровин 1961: 353
1.3.	Марк Фабий Квинтилиан: « <i>Institutio oratoria</i> »	Коровин 1961: 362

Москва. Славено-греко-латинская академия. Русские и восточноевропейские риторики		
2.1.	«Риторика» Михаила Усачева ¹	Аннушкин 2002
2.2.	Стефан Яворский «Риторическая рука»	Аннушкин 2002
2.3.	о. Порфирий Крайский: « <i>Artis Rhetoricae praecipua tres in libros divisa atque ad instruendum oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere dicendi tradita Moscoviae. Ex anno 1733 in annum 1734, Octobris 17</i> » или «Наставления по ораторскому искусству, разделенные на 3 книги и для обучения оратора избранным основам красноречия к изяществу стилия в разного рода риторике преподаваемые в Москве с 1733 по 1734 г., 17 октября» (рукопись РГБ)	Летопись 1961: 36

Марбург. Марбургский университет. Западноевропейские риторики		
3.1.	И. К. Готтшед « <i>Ausführliche Redekunst</i> »	Сухомлинов 1895: 3, 33–40 (втор. паг.); Коровин 1961: 359
3.2.	Бург И. Ф. « <i>Elementa Oratoria</i> »	Коровин 1961: 351
3.3.	Коссен Н. « <i>De eloquentia sacra et humana</i> » ²	Коровин 1961, 351
3.4.	Demetrius Phalereus « <i>De elocutione sive dictione rhetorica</i> »	Коровин 1961, 355
3.5.	Помей Ф. А. « <i>Candidatus rhetoricae</i> »; « <i>Novus candidatus rhetoricae</i> ».	Коровин 1961: 362.
3.6.	Vossius Gerhardus Johannes. « <i>Ars rhetorica</i> » (1623)	Каталог 2011: 112

Примечания к таблице

¹ В. И. Аннушкин считает, что Ломоносов взял из вступления к «Риторике» М. Усачева не только композицию параграфов и основную терминологию, но и в самих определениях «риторики» (1743 г.) и «красноречия» (1747 г.) перерабатывал определения Усачева (Аннушкин 2002: 80).

² М. В. Ломоносов на полях книги Н. Коссена «О духовном и светском красноречии» записал: «Фигуры [речи] разбираются им [автором] с эрудицией редкостной и доставляют наслаждение» (Каталог 2011: 93).

Для создания объективной истории филологических (риторических) терминов особый интерес представит анализ их употреблений в риторических трактатах, учебных пособиях и текстах, созданных *после* выхода в свет главного риторического трактата М. В. Ломоносова — «Краткого руководства к красноречию», т. е. в риториках второй половины XVIII — первой половины XIX века (называемых иногда пост-ломоносовскими риториками). Это позволит, как мы уже говорили выше, объективно оценить влияние филологических идей Ломоносова на русскую словесную культуру (отрицательные результаты тоже будут интересны) и, возможно, провести наблюдения за формированием восходящей к трудам М. В. Ломоносова *филологической традиции*.

В число таких «пост-ломоносовских» риторик можно было бы включить следующие:

- ◆ *Амвросий (Серебренников)*, архиепископ. Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1778;
- ◆ *Рижский И. С.* Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище. СПб., 1796;
- ◆ *Кошанский Н. Ф.* Общая реторика: 3-е изд. СПб., 1834;
- ◆ *Зеленецкий К. П.* Общая риторика. Одесса, 1849.

Для того чтобы полностью использовать те возможности, которые предоставляются жанром словаря-справочника, конструктивно было бы включить в «материю» словарной статьи данные современных лингвистических терминологических словарей и справочных изданий, например:

- ◆ *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминологический словарь. М., 2007;
- ◆ *Хаззагеров Т. Г.* Общая риторика: словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону, 1999.

Выводы

В «Словаре риторических трактатов М. В. Ломоносова» словарная статья будет состоять из двух основных разделов. Первый раздел “посвящен” лексикографической интерпретации леммы — риторического термина, представляющего собой элемент терминосистемы риторик М. В. Ломоносова. Второй раздел будет иметь справочно-информационный характер и, как предполагает авторский коллектив, должен содержать контексты употребления леммы в античных, западноевропейских и русских риториках. *Задача* этого раздела — показать историческую перспективу употребления риторического термина, роль Ломоносова в развитии русской риторики. *Сверхзадача* раздела — показать движение русской филологической мысли, этапы развития терминологических систем гуманитарных наук в России. Предложенная модель словарной статьи в «Словаре риторических трактатов М. В. Ломоносова» позволяет говорить о существовании **корпуса** источников словаря, состоящего из двух групп **основных** источников: 1) оригинальных текстов М. В. Ломоносова (назовем их **источниками словаря** или **текстами**); 2) текстов античных, западноевропейских и русских риторических трактатов на греческом, латинском, немецком и русском языках (назовем их **справочно-информационными** источниками или источниками **по истории термина**). Тексты источников XVIII–XIX веков будут использованы в словаре в полном соответствии с подлинниками, т. е. без какой-либо модернизации.

S. Volkov. The dictionary of Lomonosov’s rhetorical treatises: linguistic sources.

The chapter brings up a question of a textual criticism and text study of Lomonosov’s writings. Author draws attention to the sources of the “Dictionary of Lomonosov’s rhetorical treatises”, having been compiled at the Institute for Linguistic Studies (St. Petersburg, Russia) since 2012. The term “source of a dictionary” is discussed, the account of the texts to be used as the sources of the dictionary is provided.

П. Е. Бухаркин¹
(СПбГУ/ИЛИ РАН)

**«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
К КРАСНОРЕЧИЮ...»
М. В. ЛОМОНОСОВА:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАТУС
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Ключевые слова: риторика, филология, текстология, основной текст, творческая история, комментарий, стих, проза, античность, литературная культура.

Глава посвящена выяснению литературного статуса «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова и рассмотрению некоторых важных проблем его филологического изучения, среди которых особое место занимают текстологические вопросы, однозначное решение которых в настоящее время представляется затруднительным.

1

То, что поэтические произведения М. В. Ломоносова являются собою одно из высших достижений русского слова XVIII столетия, вряд ли нуждается в аргументации или может быть подвергнуто сомнению. Так же как и бесспорный эстетический статус его ораторской прозы, признанный уже его современниками. Но не меньшей языковой выразительностью отмечены и ломоносовские научные труды: они интересны не только выражаемыми в них научными идеями, но и в не меньшей степени своей речевой фактурой, которая делает ученые трактаты Ломоносова в некотором роде феноменами русской словесности,

¹ Петр Евгеньевич Бухаркин, д-р филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы СПбГУ, ведущ. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

важными не для одних историков науки, то также историков русского литературного языка и даже русской литературы².

Подобная культурная ситуация была обусловлена обстоятельствами достаточно разного свойства; далеко не последнюю роль играла среди них эпоха, к которой Ломоносов принадлежал, — эпоха рефлексивного традиционализма³. Эта грандиозная (как по временной протяженности, так и по оставленному культурному наследству) эпоха охватывает VII–V века до Р. Х. — XVIII век по Р. Х. При всей естественной вариативности доминирующих мировоззренческих систем и духовно-идеологических интенций ей были присущи некие константы, в частности, цели и смысл познания осознавались носителями рефлексивного традиционализма в общих чертах одинаково. Они в конечном счете заключались в обнаружении некоей сокровенной основы бытия, трансцендентной по отношению к отдельному человеческому сознанию; даже лишь приоткрытая человеку, эта основа, заключая в себе истину, способна привести его к счастью, включающему в себя благо, справедливость и красоту. Процессы воплощения результатов такого умопостижения истины в слове, что было необходимо для передачи постигнутого другим людям, регулировались риторикой, которая недаром определялась не просто как искусство красноречия (понимая его, по Квинтилиану, как *ars bene discendi* или же как *ars ornandi*; впрочем, такие толкования не противоречили одно другому и между собою могли вполне мирно уживаться), но и как искусство *правильной* жизни, *правильной* в смысле ее соответствия истине. Причем в различных

² Укажу в связи с этим на книгу А. В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля» (Чичерин 1977), в которой научная проза Ломоносова рассматривается в качестве одного из высших достижений прозаического стиля XVIII века.

³ Понятие рефлексивного традиционализма было предложено С. С. Аверинцевым (1996). А. В. Михайлов, подойдя к этой же эпохе с точки зрения функционирования литературного слова, определил ее как культуру «готового слова» (Михайлов 1997).

речевых жанрах доминировали в чем-то разные составляющие риторики: в сочинениях научных (научных вообще, вне зависимости от конкретной науки, к чьему ведению они относились) на первый план выходили логико-аналитические начала, в поэзии (т. е. в художественной литературе) — языковые, позволяющие явить истину как красоту. Эти доминанты, разводя науки и поэзию, вместе с тем не разрывали их внутренней связи: в конечном счете поэзия и наука стремятся к одному — к обнаружению истины, которая начиная с христианизации античной мысли понималась как величие Божие; такое осмысление истины сохранялось в постгуманистическое время, к которому принадлежал Ломоносов.

Конечно, родственность науки и поэзии вовсе не означала их полной идентичности; слово науки близко, однако не тождественно поэтическому слову. Первое стремится к ясности, при всем великолепии и пышности, при несомненной восторженности ломоносовского научного стиля он, в целом, ясен и прозрачен; смысл ученого трактата обычно складывается непосредственно из прямого значения составляющих его слов, при всей своей эстетической заряженности он, скорее, статичен. С поэтическим произведением дело обстоит сложнее: его семантическое поле гораздо менее определено, границы такого поля размыты, а главное, оно само подвижно, в нем действуют уже не статические, но динамические смыслообразующие силы. Динамика эта образуется прежде всего сложным взаимодействием внутри его смыслового пространства прямого лексического значения составляющих его слов с другими содержательными стратегиями, связанными в первую очередь с поэтической формой (Бухаркин 2011: 101–128).

Семантической сложности такого уровня научные сочинения Ломоносова лишены. Но все же они, хотя и существенно иначе, решают те же конечные задачи, что и поэзия, — посредством слова, причем слова по возможности эстетически совершенного. Именно поэтому Ломоносов так беспокоился

о стилистической безукоризненности ученых своих трактатов; он совершенно отчетливо осознавал их *литературные* достоинства, в частности их значение для созидания ему желаемого и им самим создаваемого литературного языка.

«На природном языке разного рода моими сочинениями, — писал он в прошении на высочайшее имя о своем увольнении (1762), — грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных» (АПСС 10, 352).

Точные («высокие») науки, науки гуманитарные, поэзия, т. е. важнейшие плоды интеллектуальных усилий человека, кроме решения своих собственных задач, преследуют и общую для всех них цель — совершенствование языка. И это, естественно, их предельно сближает, делая в известных отношениях размытыми границы между ними. Прозрачность границ усиливается окружающим словесное творчество Ломоносова литературным контекстом, даже шире, теми общими принципами отношения к слову, которые определяли речевое поведение человека в его эпоху. Риторическая культура не предполагала жесткой и обязательной связи между тем, что мы называем художественной литературой, и вымыслом; эстетическая ценность текста определялась не выразительностью мимесиса, а красотой, прихотливостью, необычностью сочетания слов друг с другом, она была связана в первую очередь с актуализацией тех имманентных возможностей, которые были заложены в самой структуре слова. Эти качества могли (хотя и с неодинаковой интенсивностью) проявляться как в фикциональном (т. е. придуманном) словесном мире, так и в жанрах, направленных на прямое описание окружающего мира, в частности, в естественнонаучных сочинениях. В случае с Ломоносовым так и происходило, поэтому его произведения, вне их принадлежности к научному

или же поэтическому дискурсу, в известной мере становились литературными фактами, причем такими, какие в самой существенной степени воздействовали на развитие языка. Только что приведенные слова Ломоносова показывают, что сам он это ясно осознавал и придавал этой стороне своей деятельности особое значение.

Подобное отношение к научным сочинениям делает их отчасти и литературными произведениями, что, в свою очередь, требует филологического подхода к ним, в частности, обращения к их текстологическим проблемам. Риторические трактаты Ломоносова в данном отношении, естественно, не составляют исключения; более того, их значение как необходимых объектов филологического исследования значительно усиливается еще двумя обстоятельствами, отсутствующими в отношении ломоносовских естественнонаучных трудов. Первое из них, впрочем, в равной мере затрагивает все его филологическое наследие, «Российскую грамматику» или «Предисловие о пользе книг церковных...» в несколько не меньшей степени, чем «Краткое руководство к риторике» или «Краткое руководство к красноречию...». Все они, будучи выразительными фактами научной мысли, одновременно представляют собою феномены русского языка в его попытках собственного самоосознания. Можно сказать, что в «Кратком руководстве к красноречию...» (так же как в «Российской грамматике» и прочих филологических трудах Ломоносова) посредством ломоносовского интеллекта, выполняющего в данном случае функцию некоего органа выражения рефлексий языка над самим собой (своей природой, способом воздействия на мир и путями развития), русский язык явил самое себя в наиболее совершенных своих образцах, равно глубоких осмыслением внутренних языковых законов и блестящих совершенством их речевого выражения. Такое обстоятельство придает филологическим сочинениям Ломоносова совершенно особый статус и требует предельного внимания — в том числе — и к структуре их текста.

Второе из упомянутых обстоятельств уже касается только «Краткого руководства к красноречию...». Оно связано с известной двуприродностью этого произведения, соединяющего в себе высокоученый риторический трактат и собрание литературных примеров; свои положения и определения Ломоносов неизменно иллюстрирует прозаическими или поэтическими произведениями, являющимися конкретным воплощением в литературной практике отвлеченных правил. Иллюстраций этих много, одних стихотворных текстов насчитывается около семидесяти; некоторые из них невелики по объему, однако встречаются и достаточно внушительные стихотворения: басни, анакреонтическая ода «Ночною темнотою...», перевод «Eхegi monumentum...» Горация («Я знак бессмертия себе воздвигнул...»), переложения 14-го и 145-го псалмов, «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и др. К поэтическим примерам надо присовокупить и образчики прозаических сочинений; особенно богата ими третья книга — «О расположении». Здесь встречаются обширные и вполне законченные произведения, такие как перевод диалога Эразма Роттердамского «Утро» (§ 221), или же «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана (между Александром и Ганнибалом). Велико по размеру и завершено по смыслу и замечательное рассуждение, предложенное в § 271 в качестве иллюстрации следующего силлогизма: «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен» (АПСС 7, 319). Рассуждение это лучше всего определить как «маленький трактат, где автор говорит о природе и о человеке, о живых процессах бытия, о единстве ясно и верно познаваемой материальной действительности» (Чичерин 1985: 207). «В нем, — по верным словам М. И. Сухомлинова, —

выражается основная мысль Ломоносова, высказанная им в нескольких сочинениях и заключающаяся в том, что изучение творения ведет к познанию Творца» (Сухомлинов 1895: 521 (2 паг.)). Использование разных источников (Цицерона, Иоанна Златоуста, Г.-В. Лейбница, Х. Вольфа) (Сухомлинов 1895: 521–531 (2 паг.)) не препятствует самостоятельности: Ломоносов лично захвачен тем, о чем пишет, перед нами не холодное упражнение изошренного в риторических правилах ума, а ответственный поступок человека, переживающего свою мысль как жизненную позицию.

Встречаются прозаические фрагменты — и не так уж редко — и в других книгах «Краткого руководства к красноречию...» Это примеры рассуждений (§ 82), описаний (§ 58), афоризмов (§ 41) и, конечно же, отрывки из эпидейктических речей — Демосфена, Цицерона, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского. Жанровый спектр высокой прозы (а она одна и заслуживала признания в глазах людей середины XVIII столетия) представлен в ломоносовской риторике едва ли не во всей полноте⁴.

Конечно, риторический трактат классической эпохи (т. е. всего грандиозного периода рефлексивного традиционализма) по своей природе предполагал включение в себя разнообразных примеров: отвлеченные рассуждения — для того, чтобы быть сперва усвоенными, — нуждались в своеобразном разъяснении, которое и представляли собой литературные фрагменты; классическая риторика учила построению правильных текстов двойным способом: с помощью правил, экспликация которых составляла, так сказать, «теоретическую» часть риторического трактата, и с помощью образцов, заимствовавшихся (в виде фрагментов разного объема) у наиболее авторитетных авторов. Поэтому, начиная с «Риторики» Аристотеля (впрочем, как раз

⁴ Мной были указаны далеко не все из даваемых Ломоносовым жанровых образцов и тем более из приводимых им конкретных примеров.

в данном отношении не очень интересной — по части примеров Аристотель был крайне скуп), метариторические классические трактаты (античные, средневековые, гуманистические, постгуманистические, т. е. барочные/классицистические), как правило, включали в себя достаточно внушительную хрестоматийную часть — естественно, не оформленную как композиционно самостоятельный раздел. Подобная практика была распространена и в восточнославянской словесности XVII — первой половины XVIII века, которая в своих элитарных (как в социальном, так и в интеллектуальных аспектах) регистрах, европеизируясь, активно усваивала риторiku. Восточнославянские латиноязычные трактаты включали в себя авторитетные поэтические (в широком смысле, т. е. художественно-литературные) иллюстрации к заключенным в них теоретическим моделям. Пожалуй, наиболее выразительный пример в этом отношении дает «*De arte rhetorica*» Феофана Прокоповича⁵, наполненная отсылками к сочинениям весьма разнообразных авторов — как античных, так и раннехристианских. В одних случаях — это именно отсылки, ограничивающиеся простым перечислением образцов: так, 11-й раздел («О похоронной речи») 8-й книги «О эпидейктической или украшенной речи» обширного этого лекционного курса завершается пунктом 8, озаглавленным «Примеры»; в нем указаны наиболее значимые, по мнению Феофана, сочинения подобного рода — Григория Назианзина, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, Иеронима. В других случаях автор дает свой пересказ нужного ему отрывка — например, в 12-м разделе («О надгробных надписи или epitafii и про другие краткие речи, также и про остроты») той же 8-й книги находим, в частности, изложение фрагментов «Панегирика Траяну» Плиния Младшего. В третьих случаях Феофан предлагает собственные вариации

⁵ «*De arte rhetorica*» представляет собою лекционный курс, прочитанный Феофаном в Киево-Могилянской академии в 1706–1707 годах на латинском языке.

авторитетного текста: заключая этот же 12-й раздел 8-й книги примером, он дает свой вариант части речи Цицерона «В защиту закона Манилия», адресованной Помпею, предваряя его следующим комментарием: «...предлагаю тут коротенькое слово про великого Помпея, которое удалось создать на основе речи Цицерона „В защиту закона Манилия“» (Феофан 1979: 406). Наконец, в четвертых случаях (их — большинство) приводятся прямые цитаты: например, в 3-м разделе («О чувстве любви, стремления, заботы и тревоги») 5-й книги («О рассмотрении страстей») обильно цитируются Овидий, Корнелий Непот, Сенека, Марциал, Вергилий.

На таком фоне литературная составляющая «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова на первый взгляд не кажется ни необычной, ни тем более выдающейся. Однако это не так; некоторые — и весьма весомые — моменты придают литературным иллюстрациям ломоносовского трактата совершенно особый смысл, во всяком случае, в границах русской культуры. Во-первых, литературные примеры обильны (если говорить о восточнославянской словесности доломоносовского времени) прежде всего в латиноязычных риторических трактатах, метариторические сочинения на русском языке в данном отношении несоизмеримо скромнее — это относится и к «Риторике» митрополита Макария, и к «Риторике» М. Усачева, и к переводу «Риторической руки» Стефана Яворского Ф. Поликарповым, и к выговским старообрядческим риторикам. Подобная ситуация легко объяснима: русская словесная культура просто не обладала необходимыми литературными ресурсами — собственная литературная традиция казалась в этом случае неподходящей, включение латинских (тем более греческих) фрагментов в русскоязычный трактат представлялось неуместным (по ряду причин, в том числе и чисто дидактических), а к переводу таких фрагментов авторы, вероятно, были не готовы. Поэтому риторические трактаты на русском языке были в литературно-иллюстративном отношении весьма бедными; в них упоминаются те или иные образцы

(без этого риторический трактат обойтись все же не мог), но или в виде простых упоминаний, или же как неопределенный пересказ, причем совсем лишенный всяких претензий на сохранение риторического совершенства образца. В «Кратком руководстве...» дело обстоит совершенно иначе: его многообразные поэтические иллюстрации (как стихотворные, так и прозаические) передают риторические образцы именно как образцы для упражнений на *русском языке*. Для этого они должны были быть совершенными, и Ломоносов прилагает все огромные свои литературные силы для достижения искомого совершенства, — как правило, с несомненным успехом; ничего подобного в восточнославянской риторической теории до этого не знала.

Правда, в общеевропейском культурном контексте данный факт уже не кажется совершеннейшим исключением; в западноевропейских риторических трактатах — во всяком случае в постгуманистическую эпоху — можно обнаружить нечто подобное. Так, Б. Грациан в своем риторическом компендиуме «Остроумие или искусство изощренного ума», как правило, снабжал приводимые примеры переводом, часто сопровождавшимся комментирующими пояснениями (Штейн, Брагинская 1977: 635). Но его переводы-толкования прилагались к оригиналам, что в самой существенной мере меняло их статус по сравнению с тем, что обнаруживается у Ломоносова: соседство античного подлинника снижало образцовость его воплощения на новоевропейском языке, перевод, несомненно, демонстрировал поэтические возможности последнего, но все-таки высшая авторитетность при этом сохранялась за словом античности, а не Новой Европы. Ломоносов, как известно, оригиналы опускает, предлагая исключительно русский вариант, который силой собственной единичности (т. е. отсутствия латинского/греческого подлинника) приобретает статус окончательного и достаточного для литературного сознания образца, не требующего подкрепления авторитетом оригинала. Стоит обратить внимание в связи с этим на похожую параллель, но теперь в границах русской словесности середины XVIII века — имею

в виду многочисленные стихотворные фрагменты из античных авторов в переводе «Истории» Ш. Роллена — Кретье⁶, выполненным В. К. Тредиаковским на протяжении почти трех десятилетий — с конца 1730-х по конец 1760-х годов; работа Ломоносова над «Кратким руководством к красноречию...», таким образом, по времени совпадает с колоссальным предприятием его старшего современника и главного с ним соревнователя — она захватывала 1740-е, а если иметь в виду поправки, внесенные им в текст трактата при подготовке издания Московского университета 1757–1759 годов, то и 1750-е годы. Тредиаковский включает в свой исторический труд переводы античных поэтов, конечно, в совсем иных видах, нежели Ломоносов; собственно говоря, это было даже не вполне его решение: он непосредственно следовал за подлинником, поэтическая его воля определялась замыслом оригинала. Но все же его переводы, особенно стихотворные (а Тредиаковский переводил античных поэтов во многих случаях и прозой) имели несомненное поэтическое значение, что позволяет сопоставить их с литературными примерами «Краткого руководства к красноречию...»⁷. Такое сопоставление сразу же обнаруживает различия между переводами двух авторов в интересующем нас сейчас отношении: переводческие стихотворные опыты Тредиаковского (которые он делал с подлинным увлечением, в ряде случаев отказываясь от тех или

⁶ Под условным названием «История» Роллена — Кретье я имею в виду переводы двух многотомных сочинений самого Ш. Роллена: «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках» (Роллен 1749–1762) и «Римская история от создания Рима до битвы Актийская, то есть по окончании Республики...» (Роллен 1761–1767) и труда ученика Роллена Ж.-Б. Л. Кретье «История о римских императорах с Августа по Константина...» (Кретье 1767–1769).

⁷ Художественные аспекты стихотворных фрагментов в переводе Роллена — Кретье были рассмотрены А. А. Дерюгиным (см. Дерюгин 1985). В настоящее время эта сторона литературной деятельности Тредиаковского в разных аспектах исследуется А. Н. Семихиной, которую я благодарю за консультации и предоставление ряда сведений.

иных фрагментов Роллена, иногда же добавляя самостоятельно выбранные из римлян отрывки) неизменно сопровождалась латиноязычными оригиналами, отсутствие же их у Ломоносова заметно смещало акценты: приводя примеры исключительно на русском языке, Ломоносов, тем самым, полностью устранял момент соревновательности — русский язык сам по себе способен к порождению идеальных художественных образцов.

Второй момент неразрывно связан с только что сказанным. Весомость «литературной» составляющей «Краткого руководства к красноречию...», вдобавок ко всему многократно усиливалась поэтическим гением Ломоносова: художественные иллюстрации в трактате принадлежали перу (как оригинальные произведения, так и переводы) великого поэта. Пожалуй, после Цицерона европейская литература классического типа не знала подобного примера (с некоторыми оговорками здесь можно назвать также Грациана): фундаментальный риторический труд был создан не просто выдающимся интерпретатором речевой деятельности, но и гениальным творцом. Это усиливало идею совершенства русского языка, способного к порождению высших форм поэтической авторитетности, усиливало за счет своеобразной персонификации данного совершенства — оно не просто потенциально содержится в русском языке, оно уже выражено в произведениях самого автора риторического трактата, т. е. Ломоносова, который, тем самым, становится основным (а в действительности — единственным) литературным авторитетом, соответствующим самым неоспоримым авторитетам как древней, так и новоевропейской словесности.

Как известно, Ломоносов был очень сдержан, во всяком случае, в «Кратком руководстве к красноречию...», в отношении национальной литературной традиции (коренным образом отличаясь здесь от В. К. Тредиаковского, весьма ценившего многих своих предшественников и старших современников), однако его собственные литературные иллюстрации были призваны свидетельствовать о том, что традиция эта к настоящему моменту уже обладает совершенными художественными

достижениями и — что, возможно, еще значимее — образцовым автором. В той литературной ситуации, в которой создавался ломоносовский трактат, это приобретало дополнительный — и крайне важный — культурный смысл. С известной долей преувеличения, но можно сказать, что центральные литературные деятели эпохи — А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, чуть позднее А. П. Сумароков — предлагали каждый свой в чем-то особый вариант новой русской литературы в ее отношениях к собственному прошлому и литературам западным; эти концептуальные предложения были разработаны, естественно, с разной степенью подробности и совсем по-разному были донесены до публики (в случае с А. Д. Кантемиром они вообще не были преданы гласности). Наиболее полной формой выражения подобных концепций оказались собрания сочинений, сама идея которых родилась в сознании В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова почти одновременно — на рубеже 1740–1750-х годов⁸. Однако еще до этого публикацией в 1748 году «Краткого руководства к красноречию...» Ломоносов отчасти пытается решить ту же задачу: благодаря своим литературным примерам, ломоносовский риторический трактат оказывается одновременно и своего рода

⁸ Надо сказать, что хотя Ломоносов опередил Тредиаковского, выпустив «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе» в 1751 году («Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» В. К. Тредиаковского появились на следующий год, в 1752г.), однако Тредиаковский в своих «Сочинениях и переводах...» действительно предлагает обширную программу русской словесности, в то время как «Собрание разных сочинений...» Ломоносова, не пошедшее далее первого тома, в этом отношении несравненно менее выразительно. С «Сочинениями и переводами...» сравним, скорее, второй ломоносовский опыт в этом роде — изданное при Московском университете в 1757–1759 годах двухтомное «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова... 2-е изд. с прибавлениями», для которого, в частности, было написано программное «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». О «Сочинениях и переводах...» Тредиаковского в указанном аспекте см.: (Алексеева 2009: 446–494).

первым в русской литературной культуре опытом авторского собрания сочинений и переводов — фрагментарного, но, тем не менее, несущего в себе определенную концепцию дальнейшего развития русской литературы.

3

Подобная литературная «нагруженность» «Краткого руководства к красноречию...» заставляет отнести к нему как во многом особому литературному феномену, требующему филологического своего исследования. Применение же к ломоносовскому сочинению филологического аналитического инструментария, в свою очередь, неизбежно влечет за собою критику его текста: как наука, направленная на понимание того или иного словесного произведения, филология первоочередной своей задачей считает установление основного текста изучаемого произведения, а затем разъяснение его «темных» мест, т. е. комментирование. Без предварительных операций такого рода невозможно перейти к дальнейшим этапам филологического исследования⁹. Поэтому рассмотрение «Краткого руководства к красноречию...» в филологических аспектах предполагает прежде всего обсуждение возникающих в связи с ним текстологических вопросов. А их немало, можно сказать, что все три важнейшие составляющие текстологии — установление канонического (основного) текста, творческая история произведения, объясняющий комментарий — оказываются, пусть и в несколько разной степени, актуальными для «Краткого руководства к красноречию...»¹⁰.

⁹ В понимании целей и задач филологии я следую за ее характеристиками, данными в русской науке Ф. Ф. Зелинским, Г. О. Винокуром, С. С. Аверинцевым, А. Б. Муратовым, которые, при всех весьма значительных отличиях, сходятся в своих главных концептуальных положениях. См.: (Зелинский 1902: 811–816; Муратов 1993: 95–100; Муратов 1996: 89–99; Винокур 2000: 452–562).

¹⁰ См. о центральных текстологических проблемах, применительно к новой русской литературе: (Винокур 1927; Томашевский 1959; Лихачев 1964; Рейсер 1978).

Первая из проблем, первая как по порядку, так и по значимости, — установление основного текста — сопровождается применительно к ломоносовской риторике еще и дополнительными трудностями: по отношению к самому авторитетному академическому изданию сочинений Ломоносова — Полному собранию сочинений в 11 томах, начатому под общим руководством С. И. Вавилова в 1950 году (АПСС) — достаточно острым оказывается вопрос о языковой идентичности публикуемых в нем текстов орфографическим, пунктуационным и грамматическим принципам их первоначальных изданий, в конечном счете соответствующих языковым представлениям самого Ломоносова¹¹. В основу лингвистической стратегии воспроизведения ломоносовских текстов издателями АПСС, по их собственным словам, были положены «Правила издания исторических документов», изданные в 1955 году Институтом истории Академии наук СССР, Главным архивным управлением и Историко-архивным институтом (Виноградов, Бархударов, Блок 1956: 469) и предлагающие передавать словесные произведения, в частности XVIII века, следуя правилам современной орфографии. Вместе с тем формальное применение подобных правил к классическим текстам таит в себе и немалые опасности, которых не избежали — при всей своей несомненной филологической авторитетности и высоком профессионализме — и редакторы академического издания: «При издании филологических трудов Ломоносова приведена бесшабашная модернизация текста, вдобавок осложненная небрежностью. Редакторы сплошь и рядом игнорируют индивидуальные особенности морфологии, синтаксиса, орфографии Ломоносова, отражающие существенные моменты в историческом развитии русского литературного языка <...>» (Морозов 1956: 169)¹².

¹¹ Эта проблема в нашей монографии оказывается и в поле исследовательского внимания С. С. Волкова («Словарь-справочник “Риторика М. В. Ломоносова”: источники и тексты»), рассматривающего ее в связи с кругом общих лексикографических проблем.

¹² Надо сказать, что вопрос о принципах модернизации текстов авторов XVIII века — именно научный вопрос, требующий дальнейших